

УДК 398.3:[811.161.1+811.581]'373.2

DOI 10.37972/chgpu.2020.108.3.004

Гоу Яньминь, С. Г. Коровина

ОБРАЗ СОБАКИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПРИМЕТАХ (НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование русских и китайских культур полезно для выявления интернационального и национального. В статье дан сопоставительный анализ китайских и русских примет, содержащих номинацию *собака*, с позиций лингвокультурологии. Реконструкция паремиологической картины мира помогает понять соотношенность зоонимической лексики с менталитетом народов двух стран и оценить особенности их мировосприятия. В качестве материала исследования послужила авторская картотека, состоящая из 44 русских и 23 китайских примет, извлеченных из лексикографических источников методом сплошной выборки. Анималистический образ, легший в основу паремий, дал возможность классифицировать приметы с точки зрения доминантной составляющей действия номинации *собака* как в антропоцентрической, так и в фенологической направленности, выявлено численное превосходство паремий представленных групп. Рассмотрены возможности образования семантического поля «собака» в русской и китайской языковой системе. Дается описание паремий с точки зрения религиозных убеждений, климатических особенностей; приведена оценка единиц, схожих в плане содержания, но различных в плане выражения. Показано, как русские и китайские обычаи находят отражение в приметах как культурно заряженных текстах. Практическая значимость данного исследования заключается в том, что наблюдения и выводы могут быть полезны для расширения знаний о взаимосвязи зоонимической лексики, используемой в составе паремий, с духовным миром и культурой людей разных национальностей.

Ключевые слова: *зооним, примета, китайские приметы, русские приметы, собака, лингвокультурология, языковая картина мира.*

Gou Yanmin, S. G. Korovina

THE IMAGE OF DOGS IN RUSSIAN AND CHINESE SUPERSTITIOUS BELIEFS (BASED ON LEXICOGRAPHICAL MATERIAL)

People's Friendship University of Russia

Abstract. It is important to study the Russian and Chinese cultures in order to identify the international and national about them. The article provides a comparative analysis of Chinese and Russian signs containing the dog nomination from the standpoint of linguoculturology. Reconstruction of the paremiological picture of the world helps to understand the correlation of zoonymic vocabulary with the mentality of the people of the two countries and assess the features of their perception of the world. The author's card index, consisting of 44 Russian and 23 Chinese signs, extracted from lexicographic sources using a continuous sample, was used as the research material. The animalistic image that formed the basis for proverbs, gave the opportunity to classify the signs in term of the dominant orientation of the action of the dog nomination in both anthropocentric and phenological patterns, the numerical superiority of the paroemias of the groups represented was revealed. The article considers the possibilities of forming the semantic field «dog» in the Russian and Chinese language systems. The description of paroemias is given from the point of view of religious beliefs, climatic features, and the assessment of units that are similar in terms of content, but different in terms of expression. It is shown how Russian and Chinese customs reflect in signs as culturally charged texts. The practical significance of this study is that its observations and conclusions can be useful for expanding knowledge about the relationship of zoonymic vocabulary used in the composition of paroemias with the spiritual world and culture of people of different nationalities.

Keywords: *zoonym, sign, Chinese signs, Russian signs, dog, linguoculturology, language picture of the world.*

Введение. Животный мир окружает людей на протяжении многих тысячелетий, поэтому слова-наименования животных занимают особое место в культуре разных стран. Данные лексические единицы обладают яркой символикой и характеризуют разные стороны языковой картины мира. По мнению Д. Д. Комовой и О. В. Ломакиной, «хотя самобытность народа представлена рядом языковых единиц, в большей степени ее отражают фразеологические единицы и паремии, которые являются конституентами фразеологической картины мира и пословичной (паремиологической) картины мира как различных языковых форм фиксации национальной картины мира соответственно» [11, с. 79]. Предметом наших изысканий стали русские и китайские приметы, содержащие номинацию *собака*. Цель исследования – сопоставительный анализ русских и китайских паремий с компонентом *собака* для выявления национально-культурных традиций, отражающих специфику русской и китайской лингвокультур.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена тем, что оно включено в рамки одной из самых разрабатываемых в настоящее время научных дисциплин – лингвокультурологии. Приметы с номинацией *собака* отражают культурно-языковой потенциал России и Китая, что представляет особенный интерес и позволяет выявить основные установки русской и китайской культур на фоне типологически отличающихся языков. Кроме того, на данный момент существует небольшое количество исследований, посвященных изучению примет с компонентом *собака*, которые сформировали бы представление как о русской, так и о китайской языковой картине мира.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили 44 русские приметы, извлеченные из «Словаря русских суеверий» (Е. А. Грушко, Ю. М. Медведева 1995), «Пословиц русского народа» (В. И. Даль 1996) и содержащие компонент *собака*, а также 23 паремии, отобранные методом сплошной выборки из «Ханьшу» (Бань Гу 1962), «Словаря китайских обычаев» (Чэнь Циньцзянь 2008), «Большого словаря древних китайских пословиц» (Чжан Луюань 2011), «Сборника гаданий земледелия» (Лян Чжанчжу 1956), «Избранного комментария пяти земледельческих стихий уезда Цзяньхусянь провинции Цзянсу» (под ред. Лоу Юаньли 1976), «Большого словаря китайских поговорок» (гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн 2011) и «Большого словаря древних китайских пословиц» (гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн 2011). Методы исследования паремиологического фонда: прием сплошной выборки материала из лексикографических источников, метод лингвокультурологического анализа, описательно-аналитический и сопоставительный методы, прием количественных подсчетов.

Результаты исследования и их обсуждение. Животный мир является неотъемлемой частью жизни человека. По мнению Ж. Багана и Ю. С. Михайловой, это «объясняется представлениями о тотемных животных еще в древности: некоторые племена вели историю рода от определенных животных, считая их родственниками и веря в переселение душ» [2, с. 87]. Со временем отношение человека к животным изменилось, однако различные языки по-прежнему содержат метафорический перенос, в котором находят отражение особенности культуры и вероисповедования той или иной национальности [22]. При этом «сравнение человека с животным универсально, поскольку человек, наблюдая за окружающей его действительностью, устанавливает сходства и различия между собой и другими представителями животного мира» [7, с. 152]. Зоонимическая лексика является неотъемлемой частью любой лингвокультуры и образует особый пласт словарного состава языка. Новые слова и обороты речи становятся следствием выявляемой человеком ассоциативной связи с внешними признаками животных, фенотипом.

В современной науке тематическая группа слов, связанных с обозначениями животных, может быть названа терминами «зоонимы», «зоолексемы», «анималионимы» или

«анимализмы». Термин «зооним» не имеет однозначной трактовки. С точки зрения И. В. Куржовой, зоонимы – «прямые обыденные названия животных» [15, с. 12]. И. А. Курбанов под этим термином подразумевает «собственно названия животных в прямом номинативном значении». При использовании зоонимической лексики для характеристики определенного явления в переносном значении, по мнению ученого, необходимо употреблять термин «зооморфизмы (зоосемизмы)», который чаще реализуется в составе устойчивых словосочетаний [16, с. 3]. З. И. Минеева вводит термин «зоотропы (от греч. *зоо* – ‘животное’ и *тропе* – ‘поворот’) – переносные, возникшие на основе метафоры и метонимии антропоцентрические значения названий животных, птиц, рыб, пресмыкающихся, выступающие в предикативной, субъектной, аппозитивной и вокативной функциях» [18, с. 329]. О. В. Галимова считает, что «зооним – это лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [6, с. 12].

Зоонимические компоненты в разных языках вмещают часто те качества, которые являются определяющими для того или иного народа, что говорит об индивидуальности его образного мышления и свидетельствует о сложном ассоциативно-психологическом процессе. Из наблюдений за повадками и реакцией животных на различные метеорологические факторы сложились верные приметы, пословицы и поговорки. В фольклоре разных народов они часто служат «посредниками для иносказательного осмеяния и бичевания людских пороков» [13, с. 5]. В связи с этим можно говорить, что зоонимы обладают определенной коннотацией и в паремиях могут рассматриваться как явление лингвокультуры.

Слова являются репрезентантами отдельных концептов, составляющих концептуальное пространство языка, и способны отобразить народный менталитет. Устойчивость концептуальных представлений отмечается многими лингвистами [3], [14], [19]. Так, А. П. Бабушкин считает, что «рассуждая о концептах как о сложившихся дискретных единицах (ментальных образах) коллективного сознания, мы подчеркиваем их статику – каждая концептуальная единица занимает соответствующую ячейку в национально обусловленной концептосфере языка как совокупности ментальных репрезентаций, детерминированной запасом знаний, навыков в культурном опыте народа» [1, с. 23]. Примером ключевой единицы в образовании подобного концептуального представления как в русском, так и в китайском языках можно считать слово *собака*.

Большое количество примет возникло в результате общения человека с собаками и наблюдения за ними. Приручение дикого предка собаки – волка – произошло еще в каменном веке, в результате человек получил верного друга и помощника на охоте, сторожа своего жилища.

В «Словаре русского языка» (МАС) *собака* определяется как «домашнее животное семейства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте, в упряжке (на Севере) и т. п.» [21, с. 168].

В «Словаре современного китайского языка» содержится следующее определение: «哺乳动物, 种类很多, 嗅觉和听觉都很灵敏, 舌长而薄, 可散热. 毛有黄、白、黑等颜色, 是人类最早驯化的家畜, 有的可以训练成军犬、警犬, 有的用来帮助打猎、牧羊等. 也叫犬» [30, с. 482] (букв. ‘Собака – млекопитающее, существует много пород. Она обладает тонким обонянием и острым слухом, длинный и тонкий язык служит для отвода тепла. Собаки могут быть рыжей, белой, черной и другой масти. Это самое раннее одомашненное животное. Некоторые могут быть выдрессированы как военные и полицейские собаки, а некоторые могут использоваться для охоты и помогать пасти овец. Также называют псом’).

Лексические значения, отраженные в словарных статьях двух языков, схожи, однако в русском языке, в отличие от китайского, лексико-семантическое поле «*собака*» достаточно обширно. К нему относятся существительные, как различающиеся оттенками

значений – от нейтрального (*волкодав, кобель, пес, сука, щенок,*) до разговорного (*барбос, жучка, моська, собачата, шавка*), так и уменьшительно-ласкательные (*собачка*), иногда уничижительные формы (*собачонка*). Кроме того, в детской речи распространены лексемы *авва* и *авка* [8, с. 32], имеющие разговорный характер. В русском языке возможно образование однокоренных слов других частей речи: *собачий, по-собачьи*. К семантическому полю номинации *собака* также могут быть отнесены глаголы, передающие различные звуки, которые способны издавать эти животные: *лаять, скулить, рычать, выть*. Основные действия ласковых и преданных собак выражают глаголы *защищать, охранять, ластиться, слушать* кого-то (например, хозяина), а агрессивных – *кусать, огрызаться, сбиваться в стаи, нападать* на кого-то (человека).

Словообразовательные возможности китайского языка по сравнению с русским не так велики, поэтому лексико-семантическое поле «собака» не содержит разговорных единиц, а также слов, имеющих сниженную или пренебрежительную окраску.

Для номинации собаки в китайском языке используют два иероглифа: 狗 (*gǒu*) для более частого употребления, а в качестве эмоционально нейтрального или книжного выражения – 犬 (*quǎn*). В этом хорошо проявляется различие словообразовательной структуры русского и китайского языков, особенности их морфологического строя.

В русской национальной традиции в большинстве этиологических сюжетов собака получает негативную оценку и наделяется «в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими свойствами» [20, с. 158]. Это связано с православными мотивами, описанными в различных легендах, согласно некоторым из них она съела сделанных из теста Адама и Еву и предала Христа, указав преследователям, где он прячется. Вместе с тем собака выступает в качестве спасителя: носом затыкает дыру в Ноевом ковчеге, упрощает Богу оставить несколько зерен на колосе, который он хочет уничтожить за грехи человечества. «Символическая амбивалентность собаки <...> и двойственность отношения» к ней «проявляется в наделении их как божественными, так и дьявольскими чертами». А. В. Гура отмечает, что в соответствии с одной из этиологических легенд «собака создана Богом из грязи, которой дьявол обмазал сотворенного Богом человека, чтобы охранять человека от дьявола (казан.); по другой – собака съела человека, которого дьявол вылепил себе из теста по образцу человека, вылепленного Богом из глины (киев.)» [10, с. 94]. Этим можно объяснить разнообразие примет, включающих лексему *собака*.

Выбранные нами для анализа русские приметы, содержащие компонент *собака*, можно разделить на 4 группы:

1. Приметы, которые содержат компоненты, указывающие на взаимосвязь собаки с дурными предзнаменованиями:

– указывают на смерть (*Собака воет книзу (к земле) – к покойнику; кверху – к пожару. Собачий вой – на вечный покой. Ночной собачий вой – к покойнику. Коли собака крох не ест подле больного, то он скоро умрет* [11, с. 375]. *Роет норы – быть в доме покойнику* [9, с. 438]);

– указывают на болезни и ее типы (*Кто от собаки (после собаки) ест, у того горло распухнет. Не пинай собаку: судороги потянут* [11, с. 392]);

– указывают на бедствие не природного характера (*Собака воет книзу (к земле) – к покойнику; кверху – к пожару* [11, с. 375]. *Если собака во время Пасхальной заутрени лает на восток – к пожару, на запад – к несчастью* [9, с. 438]);

– указывают на несчастье в целом (*Жметя к хозяину, заглядывает ему в глаза – к несчастью. Если собака во время Пасхальной заутрени лает на восток – к пожару, на запад – к несчастью. Собака перебежала дорогу – неудача* [9, с. 438]);

– указывают на личную выгоду (*Собака на человека потянулась – к корысти* [9, с. 438]).

2. Приметы, которые содержат компоненты, указывающие на добрые последствия (*Черная собака, черная кошка и черный петух в доме спасают от грозы и от вора (и наоборот, они опасны во время грозы. (Нижегор.))* [11, с. 378]. *Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет (почему и не берут с собою кошки в дорогу)* [11, с. 390]. *Черная собака, черная кошка и черный петух в доме спасают от воров* [9, с. 93]. *Коли в этот день (Крещение) собаки много лают, будет много зверя и дичи* [9, с. 231]. *Собаки играют – к свадьбе. Трется около идущих по улице – к подарку. Лает – к встрече с другом. Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет, потому собаку хорошо брать с собою в дорогу* [9, с. 438]).

3. Приметы, обладающие информационным потенциалом нейтрального характера (*Если собака, стоя на ногах, качается, то хозяину выпадет дорога* [9, с. 438]. *Когда собака перебежит дорогу, то беды нет, но и большого успеха в лесу не будет* [11, с. 387]. *Новым гребнем сначала надо расчесать kota или собаку, чтобы зубья дольше не ломались* [9, с. 112]. *Если собака, стоя на лапах, качается – хозяину выпадет дорога* [9, с. 438]. *Чтоб собаки не бесились, щенят протаскивать сквозь ступицу колесную* [11, с. 392]. *Коли собака ночью воеет, то перевернуть под головами подушку, сказав: «На свою голову!» – и она замолкнет* [11, с. 375]).

4. Приметы, характеризующие изменения в погоде в зависимости от поведения животного (*Собака по снегу валяется – ко вьюге. Собака катается – к дождю и снегу* [11, с. 366]. *Собака мало ест, много спит – к ненастью. Собака валяется – к ненастью. Собака траву ест – к дождю* [11, с. 370]).

В приметах первых трех групп прослеживается антропоцентрическая направленность: паремии объединены соотносительностью действий собаки с предупреждением человека о грозящей опасности или просто несут нейтральную познавательную информацию.

В долгой истории Китая собаки всегда были рядом с людьми. Изначально образ *собаки* был положительным. Согласно китайской мифологии, первый человек на земле – Паньгу (盘古 Pángǔ) – изображался с головой собаки. Благоприятное предзнаменование древние люди видели в белой собаке, а поскольку это животное плодовито, образ беременной собаки стал ассоциироваться с образом беременной женщины и считался в древнекитайских верованиях женским тотемом. Кроме того, собака включена в китайский зодиак.

Китайцы ценят преданность собаки человеку, но одновременно уверены, что эти животные обладают рабской натурой; восхищаясь ее положительными качествами, они презирают лстливое отношение к владельцу.

Классификацию китайских паремий с номинацией *собака* можно соотнести с классификацией русских примет.

1. Приметы, которые содержат компоненты, указывающие на взаимосвязь собаки с дурными предзнаменованиями:

– на смерть (狗朝下哭, 兆将要死人 [25, с. 542] (букв. ‘Собака воеет книзу (к земле) – к покойнику’);

– на несчастье в целом (狗哭为凶兆 [25, с. 542] (букв. ‘Собака воеет – к несчастью’); 狗进入庭院乱咬一气就跑走, 兆大祸降临 [24, с. 2772] (букв. ‘Собака, забежав во двор, гавкнула и убежала – к большому горю’); 狗脑袋上长了角, 招致不幸 [24, с. 3231] (букв. ‘На голове собаки выросли рога – к несчастью’)).

2. Приметы, которые содержат компоненты, указывающие на добрые последствия:

– на избавление от болезни (年夜狗弗叫, 来年疾病少 [33, с. 184] (букв. ‘[Если] собака не лает в новогоднюю ночь, в наступающем году будет меньше болезней’));

– на улучшение социального статуса (狗来贵, 猫来富 [32, с. 235] (букв. ‘Собака

приносит высокое положение, кошка приносит богатство'); 狗来贵, 猫来富。猪来主灾晦 [31, с. 296] (букв. 'Собака приносит высокое положение, кошка приносит богатство. Свинья приносит хозяину несчастье'));

– на материальное благосостояние (猪来贫, 狗来富, 猫来开质库 [26, с. 430] (букв. 'Свинья приносит бедность, собака – богатство, кошка предвещает открытие своего дела'));

– на сельскохозяйственные успехи (狗仰天朝上哭, 是向天要粮, 兆五谷丰登 [25, с. 542] (букв. 'Собака воет на Небо, просит у Неба урожая – к небывалому урожаю'));

– на религиозные ритуалы (狗血可以辟除邪祟 [24, с. 899] (букв. 'Собачья кровь может отогнать злых духов'))).

3. Приметы, характеризующие изменения в погоде в зависимости от поведения животного (狗爬地主阴雨 [27, с. 53] (букв. 'Собака катается по земле – к дождю'); 狗在灰堆高处睡觉, 未来将有雨 [28, с. 45] (букв. 'Собака спит на куче пепла – к дождю (пойдет дождь)'); 狗眠堆高处亦主雨 [27, с. 53] (букв. 'Собака спит на возвышении – к дождю'); 狗吃青草, 则是晴天 [28, с. 45] (букв. 'Собака ест траву – к солнечной погоде'); 狗到河边吃青草, 预示大水将要退去 [27, с. 53] (букв. 'Собака пошла на берег реки, чтобы поесть травы – вода отступит'); 狗 (又叫长毛狗) 换毛不干净, 预兆梅雨还会结束 [28, с. 45] (букв. 'Собака с львиной гривой (также называют: собака с длинной шерстью) линяет не полностью – к затяжному весеннему (сливовому) дождю'); 丝毛狗褪毛不尽, 主梅水未止 [27, с. 53] (букв. 'Собака с шелковистой шерстью линяет не полностью – к затяжному весеннему (сливовому) дождю'); 狗打喷嚏三天晴 [31, с. 455] (букв. 'Собака чихает – 3 дня будет ясно (безоблачно)'); 狗泡水, 要下雨 [32, с. 799] (букв. 'Собака плещется в воде – к дождю'); 天冷时, 狗缩成一团卧在草堆上, 呼出的热气用来加温, 预告寒潮将至 [32, с. 799] (букв. 'В холодную погоду собака, свернувшись в клубок в стогу сена, согревается своим дыханием – к похолоданию'))).

Как показывает проведенный сопоставительный анализ, в русских приметах наиболее многочисленной группой являются приметы, которые содержат компоненты, указывающие на взаимосвязь собаки с дурными предзнаменованиями (13), на добрые предзнаменования указывают лишь 8 единиц. В китайской лингвокультуре наиболее распространенными в данном соотношении оказались приметы, указывающие на добрые последствия (6), наоборот, о дурных предзнаменованиях сообщают только 4 приметы. Подобную закономерность можно объяснить разным отношением к собаке в России и Китае согласно религиозным представлениям.

Самое неоднозначное отношение к собаке присутствует в христианской традиции. По справедливому замечанию А. В. Поздняковой, «в народных представлениях собака является существом, имеющим связь с нечистой силой. С одной стороны, собака является охранником людей от порождений зла. С другой стороны, собака сама могла являться нечистой силой, ее вместилищем, атрибутом или инструментом» [20, с. 158]. В Ветхом Завете упоминания о собаках встречаются приблизительно 30 раз, и в большинстве случаев они крайне уничижительны. С собакой в Библии связаны многие пороки и грехи: подлость, жадность, бесстыдство, трусость и ненасытность, корысть и разврат. В новозаветных текстах такое понимание существенно изменяется, поскольку собак стали держать во дворах при хозяйстве и их статус немного повысился, что подтверждает фраза из Евангелия от Матфея: «Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15:27) [4, с. 946]. В одном из поздних комментариев Библии, а именно в Бытии, повествуется о том, откуда взялись собаки в человеческом обществе. «Каин, первенец Адама и Евы, родившийся после изгнания четы из Рая» [12, с. 62], убил своего младшего брата Авеля из зависти, за что Господь покарал его, сделав «изгнанником и скитальцем» [12, с. 62]. Желая избежать наказания, Каин стал

просить Бога о снисхождении, чтобы оградить себя от земных невзгод. Спаситель дал Каину собаку, чтобы та оберегала его.

В отдельных русских приметах собака все-таки выступает другом человеку, выражая своим поведением преданность, что показывают глагольные компоненты прогнозирующей части в паремиях *Жметя к хозяину, заглядывает ему в глаза – к несчастью* и *Третя около идущих по улице – к подарку*. В вариантах русской приметы *Не пинай собаку: судороги потянут* [11, с. 392] и *Собаку ногами не бей: судороги потянут!* [9, с. 440] улавливается положительное отношение к этому домашнему животному: действие, калечащее собаку, несет наказание человеку.

В отличие от русской лингвокультуры, в Китае религиозные воззрения не играют определяющей роли. «Трезвый и рационалистически мыслящий китаец никогда не задумывался слишком много над таинствами бытия и проблемами жизни и смерти, зато он всегда видел перед собой эталон высшей добродетели и считал своим священным долгом ему подражать» [5, с. 248]. Одна из религий этой страны – буддизм – призывает не относиться к животным жестоко, потому что каждое из них – носитель плохой кармы. Любый человек в следующей жизни может родиться животным и рискует испытать на себе жестокое отношение к зверям. Об этом предупреждает примета *清明不戴柳, 来年变黄狗* (букв. «[Если] на праздник Цинмин не надеть венок из ивы, [то] в следующем году превратишься в охотничью собаку»), где образ животного приобретает отрицательный контекст и служит наказанием.

Цинмин Цзе (清明节 *Qīngmíngjié*) буквально переводится как «праздник чистого света». Этот традиционный праздник в Китае сходен с Радоницей в православии и считается Днем поминовения усопших. Он приходится на первую половину третьего месяца по лунному календарю (примерно 5–6 апреля по Григорианскому календарю). С этим праздником связано божество, которое изображается в женском облике и спасает людей от несчастий – *Бодхисатва Гуаньинь* (观音菩萨 *Guānyīn Púsà*). В буддизме она держит ветку ивы, опущенную в бутылку с водой, чтобы очистить всех существ, поэтому люди уверены в возможности магического изгнания злых духов с ее помощью.

Следует отметить, что Будда часто изображается среди разных животных, которые для него равноценны, но в современной буддийской традиции к представителям фауны принято относиться с равнодушием, в том числе и к собакам. При этом у входа в буддийский храм всегда располагается статуя мифической собаки-льва, которая, являясь ключевым символом буддизма, охраняет вход. В связи с тем, что это выдуманный образ, а в странах, на территории которых распространен буддизм, не водятся львы, этот атрибут Будды был заменен на собаку.

Значимость образа собаки в жизни китайского народа подчеркивает и примета *狗仰天朝上哭, 是向天要粮, 兆五谷丰登* (букв. «Собака воет на небо, просит у Неба урожая – к небывалому урожаю»). Написание компонента *Небо* с заглавной буквы объясняется религиозными традициями. Небо в верованиях древних китайцев считается Верховной субстанцией, несущей Божественное начало. Л. Е. Янгутов отмечает: «В Китае обнаружено множество археологических данных о наличии сильно развитого культа Неба, Солнца и Земли. Эти данные дополняются мифологическими сюжетами и древними письменными источниками», а «взаимосвязь культа Земли с культом Неба была обусловлена представлениями китайцев о плодородии и размножении» [23, с. 10]. Приведенное описание дает возможность понять одну из возможных причин возникновения данной паремии.

О популярности тотемных верований в Китае свидетельствуют приметы *狗血可以辟除邪祟* [24, с. 899] (букв. «Собачья кровь может отогнать злых духов») и *狗脑袋上长了角, 招致不幸* [24, с. 3231] (букв. «На голове собаки выросли рога – к не-

счастью'). Китайский ученый Ван Сяодунь благодаря археологическим находкам и сохранившимся письменным памятникам обозначил такие «наиболее популярные животные-тотемы, как *птица* (鸟 *nǐāo*), *змея* (蛇 *shé*), *собака* (狗 *gǒu*) и *тигр* (虎 *hǔ*)» [29, с. 63].

Связь действий собаки с религиозными праздниками в единичных случаях наблюдается и в русских поговорках: дважды в «Словаре русских суеверий» встречается примета *Коли в этот день (Крещение) собаки много лают, будет много зверя и дичи*, предвещающая удачу на охоте, и примета *Если собака во время Пасхальной заутрени лает на восток – к пожару, на запад – к несчастью*, предупреждающая человека о грозящей беде.

Стоит отметить, что в качестве разрушительной силы могут выступать как явления природы, так и разбойничьи действия людей. В этом смысле компоненты *гроза* и *вор* в русской поговорке *Черная собака, черная кошка и черный петух в доме спасают от грозы и от вора (и наоборот, они опасны во время грозы)* (нижегор.) выступают в качестве идентичных понятий. С другой стороны, сложно объяснить двусмысленность данной приметы: в разных прочтениях собака спасает от бедствия и одновременно служит источником неприятностей во время этого природного явления, находясь рядом с человеком. Подобные воззрения могут быть обусловлены «способностью черта обращаться в этих животных, скрываться в них от грома» [10, с. 94].

Самой многочисленной (10) в китайской лингвокультуре является группа, содержащая фенологические приметы. В ней наблюдаются определенные сходства с поговорками русского происхождения. Так, русская примета *Собака катается – к дождю и снегу* совпадает с формулировкой китайской поговорки 狗爬地主阴雨 [27, с. 53] (букв. 'Собака катается по земле – к дождю'). Отсутствие компонента *снег* в китайской примете очевидно: для климатической зоны Китая характерна ярко выраженная смена времен года, которая зимой сопровождается мощными тайфунами с небольшим количеством осадков, а летом – высокой влажностью, теплыми южными ветрами и обильными муссонными дождями.

В анализируемых поговорках наблюдается совпадение первой части приметы, содержащей условие, при различии частей, находящихся в постпозиции и содержащих следствие. Так, одинаковая прогнозирующая часть *собака траву ест* получает противоположный результат: «к дождю» в русском варианте поговорки и «к солнечной погоде» в китайском. Прогноз «к дождю» в китайских вариантах поговорки осуществляется в следующих случаях: «собака плещется в воде», «собака спит на куче пепла» и «собака спит на возвышении».

Как в русских источниках, так и в китайских словарях содержатся повторяющиеся приметы. Их различие заключается в замене отдельных компонентов – субституции – при сохранении плана содержания. Например, в русской поговорке *Собака воет книзу (к земле) – к покойнику; вверху – к пожару* [11, с. 375] прогнозирующая часть содержит наречия, указывающие на направление движения *вверху, книзу*, тогда как в «Словаре русских суеверий» указанные компоненты заменены на деепричастия *опустив* и *подняв*: *Собака воет, опустив морду, – к покойнику; подняв, – к пожару* [9, с. 392]. Подобные варианты встречаются и в китайских поговорках. Так, в поговорках 丝毛狗褪毛不尽, 主梅水未止 [27, с. 53] (букв. 'Собака с шелковистой шерстью линяет не полностью – к затяжному весеннему (сливовому) дождю') и 狮毛狗 (又叫长毛狗) 换毛不干净, 预兆梅雨还不会结束 [28, с. 45] (букв. 'Собака с львиной гривой (также называют: собака с длинной шерстью) линяет не полностью – к затяжному весеннему (сливовому) дождю'), содержащихся в источниках разных лет, компонент *с шелковистой шерстью* заменен на сочетание *с львиной гривой*.

Кроме того, в русских поговорках наблюдается расширение или сужение состава приметы. Например, ср.: *Собачий вой – на вечный покой. Ночной собачий вой – к покойнику* [11, с. 375] и *Собачий вой – на вечный покой* [9, с. 438]. Расширение поговорки можно уви-

деть в следующем примере: *Собака скушает, траву ест – к дождю* [9, с. 438], когда в «Пословицах русского народа» В. И. Даля компонент *скушает* отсутствует.

Выводы. Итак, «народные приметы – это проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафористической форме» [22, с. 5]. Приметы, содержащие зоонимическую лексику, отображают взаимосвязь, которая существует между человеком и животным на протяжении тысячелетий. В них находят отражение наблюдения человека за особенностями поведения животного, сводящиеся к определенной прогнозирующей формуле.

Проведенный анализ русских и китайских примет, содержащих номинацию *собака*, позволил выявить численное превосходство данных паремий в русском языке: из двух источников были отобраны 44 единицы, тогда как восемь лексикографических источников китайского происхождения содержат всего 23 единицы. Словари обоих языков фиксируют варианты паремий, схожих в плане содержания, но различных в плане выражения. Замена компонентов, расширение и сужение количественного состава приметы свойственны в основном русскому языку.

На примере паремий русского и китайского происхождения, содержащих номинацию *собака*, можно делать вывод о ее культурологическом значении: это животное наделено в народном представлении двойственной символикой и демоническими свойствами. С одной стороны, она является охранником людей и особенности ее поведения предупреждают человека об опасности, а с другой, собака может быть вместилищем нечистой силы и приносить людям неудачу и болезнь. Трактовка образа собаки в русских приметах напрямую связана с православной традицией; в китайской культуре религиозные убеждения не имеют определяющего значения, при этом тотемные верования древних китайцев находят отражение в паремиях.

Перспективным направлением будущих исследований является лингвокультурологический анализ примет, содержащих зоонимы *кошка*, *свинья*, *лошадь* и т. д., которые покажут взаимосвязь особенностей труда и быта предшествующих поколений, духовного мира человека, закономерностей природы с действиями животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – Воронеж, 1998. – 41 с.
2. Багана Ж., Михайлова Ю. С. Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 24(119). – С. 84–93.
3. Белевцова Т. Б. Зооморфная метафора как отражение русской языковой картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4(285). – С. 185–189.
4. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. – Хельсинки : St. Michel Print Mikkel, 1990. – 1224 с.
5. Васильев Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество) : учеб. пособие для вузов по спец. «История». – М. : Высшая школа, 1983. – 368 с.
6. Галимова О. В. Национально-культурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека: на материале русского и немецкого языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Уфа, 2004. – 309 с.
7. Гишкаева Л. Н., Ломакина О. В. Зооним волк во фразеологии и паремиологии: культурные коннотации (на материале русского, украинского, чеченского и английского языков) // WEST – EAST: Scientific Journal. – 2019. – Vol. 2. – № 1 (October 2019) – С. 23–27.
8. Грдина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – 202 с.
9. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. – Н. Новгород : Русский купец и Братья славяне, 1995. – 560 с.

10. Гура А. В. Собака // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 5 : С (Сказка) – Я (Ящерица). – М. : Международные отношения, 2014. – С. 93–95.
11. Даль В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. Т. 2. – М. : Терра ; Книжная лавка – РТР, 1996. – 424 с.
12. Жуковская Н. П. Библизмы французского языка. Заимствования, фразеологизмы, цитаты, персонажи, аллюзии. Опыт французско-русского комментированного словаря терминов и выражений, имеющих библейский источник. – М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. – 384 с.
13. Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. – М. : Знание, 1991. – 256 с.
14. Колова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – С. 78–87.
15. Куражова И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Иваново, 2007. – 201 с.
16. Курбанов И. А. Анализ зоосимволики в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – М., 2000. – 437 с.
17. Маругина Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. – 2009. – № 2(6). – С. 11–30.
18. Минеева З. И. Полисемия в русских зоотропах // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 328–338.
19. Новьохова Г. Б. История изучения зоонимов в отечественном языкознании // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 4. – С. 11–13.
20. Позднякова А. В. Зооним собака в русских пословицах // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : сборник материалов II Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2017. – С. 157–160.
21. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 4 : С – Я / под ред. Г. А. Разумниковой. – М. : Русский язык, 1984. – 782 с.
22. Харченко В. К. Малоизвестные приемы и методики исследования языкового материала. – М. : Издательство литературного института им. А. М. Горького, 2008. – 128 с.
23. Янгутов Л. Е. О добуддийских религиозных верованиях Китая // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6(1). – С. 8–14.
24. 班固. 汉书. 北京: 中华书局, 1962. 4273 页 (Бань Гу. Ханьшу. – Пекин : Китайское книжное издательство, 1962. – 4273 с.).
25. 陈勤建. 中国风俗小辞典. 上海辞书出版社, 2008. 620 页 (Чэнь Циньцзянь. Словарь китайских обычаев / под ред. Чэнь Циньцзянь. – Шанхай : Шанхайское издательство лексикографической литературы, 2008. – 620 с.)
26. 翟灏. 通俗编. 北京: 中华书局, 2013. 700 页 (Ди Хао. Книга обычаев. – Пекин : Китайское книжное издательство, 2013. – 700 с.)
27. 梁章钜. 农候杂占. 北京: 中华书局, 1956. 116 页 (Лян Чжанчжу. Сборник гаданий земледелия. – Пекин : Китайское книжное издательство, 1956. – 116 с.)
28. 田家五行选释. 江苏省建湖县《田家五行》选释小组 / 姜元礼编. 北京: 中华书局, 1976. 86 页 (Избранный комментарий пяти земледельческих стихий. Избранный комментарий пяти земледельческих стихий уезда Цзяньхусянь провинции Цзянсу / под ред. Лоу Юаньли. – Пекин : Китайское книжное издательство, 1976. – 86 с.)
29. 王小盾. 原始信仰中国古神. 上海: 上海古籍出版社, 1989. 166 页 (Ван Сяодунь. Ранние верования и древние божества Китая. – Шанхай : Шанхайское издательство древней литературы, 1989. – 166 с.)
30. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 (第5版), 北京: 商务印书馆, 2005. 1866 页 (Словарь современного китайского языка / под ред. словарного редакционного отдела Института лингвистики Китайской академии общественных наук. – 5-е изд. – Пекин : Коммерческое Издательство, 2005. – 1866 с.)
31. 中国俗语大辞典: 王力题/温端政主编. 上海: 上海辞书出版社, 2011. 1137 页 (Большой словарь китайских поговорок. Ответы Ван Ли / под ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай : Шанхайское издательство лексикографической литературы, 2011. – 1137 с.)
32. 中国谚语大辞典: 辞海版/温端政主编. 上海辞书出版社, 2011. 1137 页 (Большой словарь китайских пословиц. Энциклопедическое издание (Цыхай) / под ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай : Шанхайское издательство лексикографической литературы, 2011. – 1137 с.)
33. 中华古谚语大辞典/张鲁原著. 上海大学出版社, 2011. 476 页 (Большой словарь древних китайских пословиц / под ред. Чжан Луюань. – Шанхай : Изд-во Шанхайского университета, 2011. – 476 с.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2020

REFERENCES

1. Babushkin A. P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazyka, ih lichnostnaya i nacional'naya specifika : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. – Voronezh, 1998. – 41 s.
2. Bagana Zh., Mihajlova Yu. S. Faunonimicheskaya leksika v sisteme yazyka i ee nacional'no-kul'turnaya specifika (na materiale leksicheskikh edinic «doshad'», «kon'», «svin'ya» v russkom, anglijskom i nemeckom yazykah) // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2011. – № 24(119). – S. 84–93.
3. Belevcova T. B. Zoomorfnyaya metafora kak otrazhenie russkoj yazykovoj kartiny mira // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2019. – № 4(285). – S. 185–189.
4. Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. – Hel'sinki : St. Michel Print Mikkel, 1990. – 1224 s.
5. Vasil'ev L. S. Istoriya religij Vostoka (religiozno-kul'turnye tradicii i obshchestvo) : ucheb. posobie dlya vuzov po spec. «Istoriya». – M. : Vysshaya shkola, 1983. – 368 s.
6. Galimova O. V. Nacional'no-kul'turnaya specifika zoonimicheskogo leksiki, harakterizuyushchej cheloveka: na materiale russkogo i nemeckogo yazykov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Ufa, 2004. – 309 s.
7. Gishkaeva L. N., Lomakina O. V. Zoonim volk vo frazeologii i paremiologii: kul'turnye konnotacii (na materiale russkogo, ukrainskogo, chechenskogo i anglijskogo yazykov) // WEST – EAST: Scientific Journal. – 2019. – Vol. 2. – № 1 (October 2019) – S. 23–27.
8. Gridina T. A. Ob'yasnitel'nyj slovar' detskih innovacij. – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2012. – 202 s.
9. Grushko E. A., Medvedev Yu. M. Slovar' russkih sueverij, zaklinanij, primet i poverij. – N. Novgorod : Russkij kupec i Brat'ya slavyane, 1995. – 560 s.
10. Gura A. V. Sobaka // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar' v 5-ti tomah / pod red. N. I. Tolstogo. – T. 5 : S (Skazka) – Ya (Yashcherica). – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. – S. 93–95.
11. Dal' V. I. Poslovicy russkogo naroda : sbornik : v 2 t. T. 2. – M. : Terra ; Knizhnaya lavka – RTR, 1996. – 424 s.
12. Zhukovskaya N. P. Bibleizmy francuzskogo yazyka. Zaimstvovaniya, frazeologizmy, citaty, personazhi, allyuzii. Opyt francuzsko-russkogo kommentirovannogo slovary terminov i vyrazhenij, imeyushchih biblejskij istochnik. – M. : Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2006. – 384 s.
13. Zayanchkovskij I. F. Zhivotnye, primety i predrassudki. – M. : Znanie, 1991. – 256 s.
14. Komova D. D., Lomakina O. V. Slovarnoe i diskursivnoe napravleniya rekonstrukcii paremiologicheskogo kartiny mira: opyt interpretacii (na materiale russkogo yazyka) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2019. – № 3(103). – S. 78–87.
15. Kurazhova I. V. Imena zhivotnyh kak otrazhenie cennostnoj kartiny mira v anglijskoj lingvokul'ture : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. – Ivanovo, 2007. – 201 s.
16. Kurbanov I. A. Analiz zoosimvoliki v russkom i anglijskom yazykah : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – M., 2000. – 437 s.
17. Marugina N. I. Koncept «sobaka» kak element russkoj yazykovoj kartiny mira // Yazyk i kul'tura. – 2009. – № 2(6). – S. 11–30.
18. Mineeva Z. I. Polisemiya v russkih zootropah // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2014. – № 3. – S. 328–338.
19. Nov'yuhova G. B. Istoriya izucheniya zoonimov v otechestvennom yazykoznanii // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2019. – № 4. – S. 11–13.
20. Pozdnyakova A. V. Zoonim sobaka v russkih posloviach // Yazyk i kul'tura regiona kak sostavlyayushchie obrazovatel'nogo prostranstva : sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. T. F. Novikova. – Belgorod : OOO «Epicentr», 2017. – S. 157–160.
21. Slovar' russkogo yazyka : v 4-h t. T. 4 : S – Ya / pod red. G. A. Razumnikovej. – M. : Russkij yazyk, 1984. – 782 s.
22. Harchenko V. K. Maloizvestnye priemy i metodiki issledovaniya yazykovogo materiala. – M. : Izdatel'stvo literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo, 2008. – 128 s.
23. Yangutov L. E. O dobuddijskih religioznyh verovaniyah Kitaya // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 6(1). – S. 8–14.
24. 班固. 汉书. 北京 : 中华书局, 1962. 4273 页 (Ban' Gu. Han'shu. – Pekin : Kitajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – 4273 s.).
25. 陈勤建. 中国风俗小辞典. 上海辞书出版社, 2008. 620 页 (Chen' Cin'c'zhan'. Slovar' kitajskih obychaev / pod red. Chen' Cin'c'zhan'. – Shanhaj : Shanhajskoe izdatel'stvo leksikograficheskoy literatury, 2008. – 620 s.)
26. 翟灏. 通俗编. 北京 : 中华书局, 2013. 700 页 (Di Hao. Kniga obychaev. – Pekin : Kitajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. – 700 s.)
27. 梁章钜. 农候杂占. 北京 : 中华书局, 1956. 116 页 (Lyan Chzhanchzhu. Sbornik gadanij zemledeliya. – Pekin : Kitajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 116 s.)

28. 田家五行选释. 江苏省建湖县《田家五行》选释小组/娄元礼编.北京:中华书局, 1976. 86 页. (Izbrannyj kommentarij pyati zemledeľ'cheskih stihij. Izbrannyj kommentarij pyati zemledeľ'cheskih stihij uezda Czyan'husyan' provincii Czyansu/ pod red. Lou Yuan'li. – Pekin : Kitajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. – 86 s.)
29. 王小盾. 原始信仰中国古神.上海 : 上海古籍出版社, 1989. 166 页 (Van Syaodun'. Rannie verovaniya i drevnie bozhestva Kitaya. – Shanhaj : Shanhajskoe izdatel'stvo drevnej literatury, 1989. – 166 s.)
30. 现代汉语词典.中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 (第5版), 北京 : 商务印书馆, 2005. 1866 页 (Slovar' sovremennogo kitajskogo yazyka / pod red. slovarnogo redakcionnogo otdela Instituta lingvistiki Kitajskoj akademii obščestvennyh nauk. – 5-e izd. – Pekin : Kommercheskoe Izdatel'stvo, 2005. – 1866 s.)
31. 中国俗语大辞典 : 王力题/温端政主编.上海 : 上海辞书出版社, 2011. 1137 页 (Bol'shoj slovar' kitajskih pogovorok. Otveti Van Li / pod red. Ven' Duan'chzhen. – Shanhaj : Shanhajskoe izdatel'stvo leksikograficheskoj literatury, 2011. – 1137 s.)
32. 中国谚语大辞典 : 辞海版/温端政主编.上海辞书出版社, 2011. 1137页 (Bol'shoj slovar' kitajskih poslovic. Enciklopedičeskoe izdanie (Cyhaj) / pod red. Ven' Duan'chzhen. – Shanhaj : Shanhajskoe izdatel'stvo leksikograficheskoj literatury, 2011. – 1137 s.)
33. 中华古谚语大辞典/张鲁原编著.上海大学出版社, 2011. 476 页 (Bol'shoj slovar' drevnih kitajskih poslovic / pod red. Chzhan Luyuan'. – Shanhaj : Izd-vo Shanhajskogo universiteta, 2011. – 476 s.)

The article was contributed on July 15, 2020

Сведения об авторах

Гоу Яньминь – аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия; e-mail: yan04min06@gmail.com

Коровина Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия; e-mail: svetlanakorovina@list.ru

Author information

Gou Yanmin – Post-graduate Student, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; e-mail: yan04min06@gmail.com

Korovina, Svetlana Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; e-mail: svetlanakorovina@list.ru